

Алексей Загуляев

ПРЕРЫВАТЕЛЬ

Игра в прятки

18+

Прерыватель

Алексей Загуляев

Прерыватель. Игра в прятки

«Автор»

2024

Загуляев А. Н.

Прерыватель. Игра в прятки / А. Н. Загуляев — «Автор»,
2024 — (Прерыватель)

Вторая часть из серии "Прерыватель". Приключения Алексея Лазова, начавшиеся в первом романе, продолжаются. Он получает своё официальное задание в качестве "прерывателя" и отправляется для его выполнения в прошлое - в Англию начала двадцатого века. Его друг Илья остаётся в настоящем и пытается с другого конца распутать клубок загадок. Но этот клубок запутывается с каждым днём всё больше. Сможет ли Алексей справиться с возложенной на него миссией? Отыщет ли он своего отца? Встретится ли с Мариной? И теми ли людьми окажутся все те, кого он знал раньше?

© Загуляев А. Н., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	27
-----------------------------------	----

Алексей Загуляев

Прерыватель. Игра в прятки

Все совпадения с настоящими событиями, людьми и локациями либо случайны, либо не несут в себе никакой реальной основы, являясь исключительно фантазией автора.

Глава 1. Эмма Редвуд

К концу девятнадцатого столетия Англия становится одной из самых промышленных стран в Европе. Повсюду гудят фабрики и заводы, пускающие в лондонское небо чёрные клубы дыма. Смог смешивается с туманом, и на восходе всё небо кажется багрово-зловещим.

Волны эмиграции заполняют столицу, где уже в тысяча восемьсот девяностом проживает больше пяти миллионов человек, и каждый десятый из жителей промышленных зон умирает от туберкулёза. В маленьких комнатках лондонских трущоб ютятся по десять человек, лишённых элементарных удобств – питьевой воды и канализации. Процветает проституция. Беспорядочники заполняют грязные улицы в поисках лёгкой наживы и пропитания. В Ист-Энде, особенно бедном и густонаселённом районе Лондона, почти безнаказанно вершат своё уличное правосудие «Бессарабские тигры» и «Одесситы». На смену Джеку-прыгуну приходит другой Джек, которого нарекают Потрошителем. На фоне и без того криминальной обстановки его жестокие убийства кажутся особенно чудовищными. Несмотря на то, что с момента последней его жертвы минуло двадцать лет, Лондон продолжает сковывать страх, разливая по тёмным переулкам особенную атмосферу, которую смог бы почувствовать каждый, кто впервые оказался в логове этого индустриального монстра.

Начиналась новая эра, которая совсем скоро должна будет вылиться в мясорубку Первой мировой бойни.

Эмма Редвуд оказалась в столице впервые за свои двадцать девять лет, и потому её впечатления от Лондона не были исключением.

Родилась она в маленькой итальянской деревне, аккурат возле французской границы. В январе тысяча восемьсот восемьдесят седьмого при вторжении в Эфиопию (позже это столкновение назвали «резнёй в Догали») погиб её отец (британец по происхождению), служивший рядовым в итальянском батальоне. На тот момент Эмме исполнилось восемь, и совсем скоро они с мамой вынуждены были переехать во враждебную тогда Италии Францию, к бабушке по материнской линии.

В Лионе Эмма получила приемлемое образование (полное среднее и два курса университета на кафедре химии) и к моменту переезда успела поработать какое-то время воспитателем в «Эколь де Рош»¹, что в итоге и сделалось причиной её переезда в Лондон. Это почти бегство стало печальной вехой в жизни Эммы – и потому, что она не сумела сдержать свой суровый нрав, и в большей степени потому, что убежать пришлось не только от самой себя, но и от Александра, которого она, как умела, любила и который отвечал ей безусловной взаимностью. Александр был тридцатилетним мужчиной, статным, довольно неплохо обеспеченным и до беспамятства влюблённым в своенравную Эмму. Девушка не раздумывая вышла бы за него замуж, если бы не одно «но» – Александр был слишком чадолюбивым, мечтал о большом семействе со множеством маленьких спиногрызов. А Эмма детей не любила. И даже больше – они её бесили, выворачивали наизнанку, делали её жизнь похожей на какой-то театр абсурда. Но в то же время жить без присутствия где-то поблизости детей она не могла. Они были как бы источником, из которого она черпала энергию, сущность которой сама не могла объяснить ни себе, ни тем более кому-то другому. И чем конфликтнее становились отношения между ней и

---

¹ Частная школа-пансион в пригороде Парижа.

детьми, тем больший поток энергии перетекал в каждую клеточку её тела, так что порой она впадала в самый настоящий экстаз, готовый обернуться обмороком, наверное, чем-то похожим на пик физической близости, которая случается между женщиной и мужчиной. Дети в общении «Эколь де Рош» боялись эту фурию как огня, в её присутствии ходили по струнке и в тайне мечтали избавиться от её всевидящего ока. Так оно в конце концов и случилось – о способах воспитания Эммы вскоре узнало начальство и выдворило девушку из заведения, не написав даже рекомендательного письма. В ту же пору и настойчивое ухаживание Александра сделалось запредельным. Эмме необходимо было дать наконец мужчине однозначный ответ. Однако она предпочла промолчать и в тайне от жениха покинуть Францию, отправившись с поддельной рекомендацией на другой берег Ла-Манша.

На календаре был май тысяча девятьсот восьмого года.

Прибыла она из Кале, переправившись на пароме в Дувр и позже, далеко за полдень выйдя на вокзале Чаринг-Кросс. На пароме её изрядно укачало, потому она выглядела ослабленной и бледной, когда её встретил специально посланный человек на белом «Роллс-Ройсе».

Её предупредили в письме, что встретят и доведут прямиком до Баркингсайда, но такой роскоши, как «Роллс-Ройс» она предположить не могла. Видимо, в «Girls' Village Home²» к вновь прибывающему персоналу было какое-то особо трепетное отношение. Тем более если учесть, что в «Деревенских домах принцессы Марии» ей отказали. «Деревня для девочек» в Баркингсайте оказалась куда приветливей, и это Эмму порадовало, отчего она несколько оживилась.

– Прошу вас, мадам, – водитель предусмотрительно открыл дверцу.

– Мерси, – ответила девушка и, аккуратно подобрав длинное тёмно-зелёное платье, забралась в салон, задев шляпкой крышу автомобиля.

– Mon Dieu!³ – по-французски выругалась Эмма и тут же извинилась, перейдя на английский. – Простите.

Водитель лишь слегка улыбнулся, окинул худую фигуру Эммы шаловливым взглядом и переместился за руль.

– Allez-y, madame! De grandes choses nous attendent!⁴ – воскликнул он, артистично взмахнул рукой и резко тронулся с места.

Шляпка окончательно слетела с головы Эммы, но в этот раз она не стала ругаться, сумев сдержать очередную порцию гнева.

За разговорами о всяческих пустяках они добрались до места уже поздно вечером. Впрочем, было ещё довольно светло, поэтому Эмма смогла оценить открывавшиеся ей по дороге мрачные городские виды. Только ближе к деревне пейзаж стал приобретать более-менее пасторальный облик, и Эмма с облегчением вздохнула, когда они, свернув с Хорнс-роуд, остановились возле Дома губернатора.

Встретила её Сири Элмсли собственной персоной. Сам Томас Бернардо, её супруг, скоропостижно скончался от сердечного приступа три года тому назад, поэтому отныне все заботы о многочисленных приютах легли на её плечи. Женщина, мельком взглянув на рекомендательное письмо, объяснила Эмме суть её основных обязанностей и проводила к коттеджу, в котором ей предстояло жить и присматривать за детьми.

² «Деревенский дом для девочек» – деревня на большом участке в Баркингсайте (в то время принадлежавшем графству Эссекс, ныне северо-восточная часть Большого Лондона), куда пристраивали бездомных девочек, а позже и мальчиков. Организовал её Томас Бернардо со своей женой Сири Элмсли. В 1900-ом году в деревне насчитывалось 1 000 жителей и 65 коттеджей, в которых обитали дети под присмотром воспитательницы («мамы»). Готовили их в основном к работе прислугой, но качество подготовки было столь велико, что они были нарасхват в великосветских домах и даже при дворе.

³ Боже мой! (фр.)

⁴ Вперёд, мэм! Нас ждут великие дела! (фр.)

Водитель, которого звали Питер, помог с чемоданом и удалился, на прощание лишь весело подмигнув Эмме, отчего её тут же передёрнуло. Впрочем, она и в этот раз сумела себя сдержать и слегка кивнула в ответ головой.

Сири остановилась возле коттеджа, оглядела его грустным взглядом и сказала:

– Киска.

– Что, простите? – не поняла Эмма.

– Так называется этот дом, – уточнила Сири. – У нас, знаете ли, принято каждому дому давать имена. Этот мы называем «Киска». Тот, что слева, именуется «Синдал». А справа – «Джойси», он выходит на Хорнс-роуд. В «Джойси» живут мальчики.

– Мальчики? – удивилась Эмма.

– Ну да. Пытаемся идти в ногу со временем, преодолеть половую сегрегацию. Пока, разумеется, в качестве эксперимента. – Сири замолчала и слегка нахмурилась. Потом продолжила: – Не знаю, связано ли это с тем, что на днях произошло в «Киске»...

– А что случилось?

– Две девочки и два мальчика из «Джойси» пропали три дня тому назад.

– Вот как! – воскликнула Эмма.

– Полагаем, что решили сбежать. Такое, хоть и редко, но всё же случается в нашей деревне. Знаете, неблагополучные дети... Не всем по душе строгие правила, которые здесь царят. Кое-кого тянет к прежней жизни. Правда, не в этом случае. Тут дело в чём-то другом. Сбежали самые смышлёные из детей, которым в нашей деревне нравилось. Это я знаю точно. Шумиху мы поднимать не стали. Да полиции сейчас и не до нашей деревни. Олимпиада. Да ещё эта франко-британская выставка. Патрули на всех улицах, следят за порядком и гоняют шпану. Надеемся, что дети вернутся, когда осознают, чего потеряли. К тому же у нас есть свои осведомители во всех подворотнях. Предыдущая воспитательница была уволена в связи со случившимся, потому мы вас и приняли в такой спешке. И ещё один врач исчез из нашего госпиталя, в тот же день, что и дети. Странно всё это. Так что будьте внимательны к тем, кто здесь остался. В «Киске» витают не самые лучшие настроения.

– Я вас поняла, миссис Элмсли, – с серьёзным видом кивнула Эмма.

– Сири. Зовите меня Сири, Эмма.

– Хорошо.

– Остальное, – заключила хозяйка, – вам расскажут уже завтра. А пока отдыхайте и знакомьтесь со здешними обитателями. И не спускайте с них глаз.

– Это разумеется, мэм. Простите... Сири.

Массив коттеджей выстроили подковой вокруг Детской Лужайки. «Киска» – дом под номером шестьдесят семь – стоял через проулок от верхнего окончания подковы, располагаясь напротив церкви. «Джойси» шёл под номером шестьдесят восемь, а «Синдал», соответственно, имел номер шестьдесят шесть.

В «Киске» после исчезновения двух девочек осталось двадцать воспитанниц, хотя, как правило, в каждом коттедже размещалось по двадцать пять человек.

Сам коттедж представлял из себя двухэтажное здание из светло-коричневого кирпича, обычного для жилых лондонских построек. В здании имелось несколько спален, столовая, душевая и отдельная комната для воспитателя на втором этаже. Окна комнаты Эммы выходили на церковь, чему она была несказанно рада, поскольку истовую религиозность впитала ещё с молоком матери.

Эмма перекрестилась, про себя прочитала коротенькую молитву и открыла чемодан, чтобы переодеться в более удобное для теперешних обстоятельств платье.

Нужно было успеть до отбоя хотя бы мельком познакомиться с девочками, тем более, что физиология её уже требовала такого контакта.

Скинув с себя дорожное платье, успевшее пропитаться смогом и бензиновыми парами, она надела белую блузку и чёрную юбку, привела в порядок причёску и вышла в коридор, чувствуя, как снова превращается в вампирическое создание, изголодавшееся и жаждущее насытить свою врождённую тёмную сущность.

Глава 2. Илья

Впрочем, вы, наверное, успели подумать, что читаете какую-то другую историю, а не ту, что началась когда-то в Перволучинске. Спешу вас успокоить – это всё ещё я, Алексей Лазов, и моя история продолжается. А какое отношение имеет ко мне Эмма Редвуд, вы узнаете чуть позже.

А прежде всего хочу рассказать вам о нашей последней встрече с Мариной. Помните, она зашла ко мне в гости как раз в тот момент, когда я думал, какую судьбу себе выбрать – обыкновенного человека или прерывателя? Догадаться теперь не трудно – если бы я выбрал первое, то вряд ли снова взялся бы за воспоминания.

В тот раз мы просидели с Мариной до самого утра, расспрашивая друг друга о том, что происходило с нами все последние годы. Разговор будто бы вращался вокруг главного, о чём мы упомянуть так и не решились: я был слишком подавлен необходимостью выбирать между Мариной и открывшейся перспективой, она же, в свою очередь, вела себя причудливо и чересчур осторожно, словно хотела сообщить о чём-то важном, но не могла. Нет, не о чувствах ко мне, которые и так были понятны и сквозили в каждом её взгляде и в каждом жесте. Что-то другое сдерживало её былую открытость и бесшабашность глубоко внутри. Я предположил, что так проявилась её взрослость в этой реальности, в которой ей удалось вырваться из Подков и достичь поставленные перед собой цели. Такой она мне нравилась ничуть не меньше. Даже какая-то загадка окутала её образ, которой не было ни в параллельной жизни, ни в юности её в здешнем прошлом.

На прощание, уже стоя на крыльце, мы всё же поцеловались – нежно, невесомо, точно встретились два ветерка и закружились в недолгом вихре. И она ушла, ни разу не обернувшись и не наметив для нас новой встречи. Лёгкий туман скрыл её фигуру, и я подумал, а не приснилось ли мне всё это – настолько призрачным показалась промелькнувшая незаметно ночь.

Слёзы наворачивались на глаза и безумно хотелось спать. Я так устал от постоянного напряжения и от необходимости взвешивать каждое из своих решений, медленно, день за днём двигаясь к обещанной встрече с Ильёй. Оставалось сделать последний шаг – сесть в «уазик» и поехать к указанному в объявлении месту. И этот шаг был для меня адски трудным. Будто неведомая сила, не желавшая этой встречи, собрала в кулак всю оставшуюся волю и обрушила её на меня, спутывая мои мысли, чувства и мышцы.

Я принял холодный душ, побрился, нагладил помятую форму, сел в машину и тронулся, аккуратно объезжая глубокие лужи, которые ещё вчера казались неодолимыми. «Уазик», пробуксовывая, фырча, воя и разбрызгивая вокруг себя слегка подсохшую грязь, упрямо продвигался вперёд.

– Давай, зверюга, – говорил я ему вслух, – не подведи.

И он не подвёл.

Однако будка, в которой в моих фантазиях должны были меня встретить, оказалась пуста. В ней, судя по всему, давно уже никто не дежурил. Целая ветка их ржавых рельсов с выдранными из-под них шпалами упиралась в тупик, ограждённый такой же прогнившей шпалой в метре над землёй. Сквозь разбитое, закопчённое окно было видно чумазую штору, колыхаемую начавшим поддувать ветерком.

Я зашёл внутрь в не прикрытый ничем проём. Осмотрелся. Старый, колченогий стол, застеленный потрескавшейся клеёнкой; помятая эмалированная кружка, горлышко которой заросло паутиной. На стене – плакат в каком-то революционном стиле, призывающий не ходить по железнодорожным путям. Обломки кирпичей и бетонной крошки на полу. В дальнем углу

– непреложное доказательство запустения в виде засохших человеческих экскрементов, стеснительно укрытых обрывком пожелтевшей газеты. Я осмотрел даже потолок, выискивая хоть какой-нибудь намёк на присутствие потайного входа, откуда вот-вот должен появиться Илья. И только спустя минут пять смог осознать безнадёжную глупость своего положения. Как и Козырев, я отчего-то поверил в собственную исключительность и внушил себе, что объявление в газете адресовано именно мне. Да кто я такой? С чего бы вдруг кому-то делать из меня прерывателя? Ведь если рассудить здраво, то не особо много и пользы-то было от моего участия в «деле о японских часах». Просто цепь удачных совпадений, когда в критическую минуту рядом всегда кто-то оказывался, чтобы вытащить меня из безвыходной ситуации. Сам же я не проявил ни особенного ума, ни выдающегося героизма. Даже вон на зов Ракитова, догнавшего меня в лесу, вышел с поднятыми руками. Нет. Если кто и достоин быть прерывателем, то это Марина, которая в той реальности, где осталась наедине с «кровельщиком», потеряла из-за меня последний шанс вырваться из Подков.

В эту минуту я уже не сумел сдержать слёз. Я понимаю, что вам, наверное, неприятно об этом слышать, что моё смятение не найдёт отголоска в ваших требовательных умах. Но что было, то было, и я не собираюсь строить из себя отчаянного парня, сметающего на своём пути все сомнения. Ну что ж... Всё справедливо: Марина всё потеряла там, а я отказался от всего здесь. И поделом. Слишком много о себе возомнил. По крайней мере, живы остались и Игорь, и моя мама. И одного этого мне показалось более чем достаточно.

Я стряхнул с себя тяжёлые чувства, сел в «уазик» и поехал обратно.

Уже ближе к Подковам я увидел человека, пытавшегося вызволить свою легковушку из колеи. На мужчине был рыбацкий плащ с капюшоном, полностью закрывавшим лицо, и резиновые сапоги по колено. Автомобиль его увяз задними колёсами конкретно, так что с первого взгляда было ясно, что без посторонней помощи он отсюда не выберется.

Разумеется, я не мог проехать мимо. Нужно было помочь человеку.

Я заглушил мотор, выпрыгнул из кабины и подошёл к бедолаге. Он словно бы меня и не замечал, увлечённый поиском способов своего спасения.

– Бог в помощь! – громко сказал я.

Человек на секунду замер. Потом снял с головы капюшон и обернулся.

И в тот же миг я остановился, не в силах сделать ни шага. Передо мной стоял никто иной как Илья!

– Лёшка, – улыбнувшись, сказал он. – Ну ты чего застыл? Не узнаёшь?

Я сглотнул. Во рту совсем пересохло, так что даже язык прилип к нёбу.

– Илья? – проскрипел я.

– Ну да. Собственной персоной. А ты, небось, возле будки шарахался? Прочитал объявление?

Я сделал над собой усилие и сумел сдвинуться с места. Ничего не ответив, я подошёл к Илье и с силой его обнял.

– Ох, силищи-то накопил, – промолвил он. – Вижу, времени зря не терял.

Я чуть ослабил хватку, и Илья осторожно выпутался из моих объятий.

– Я было подумал, что ошибся с объявлением, – будто оправдываясь за свои сомнения, сказал я. – А оно вон как.

– Да. Туда-то я и ехал. Но, как видишь, застрял в самый неподходящий момент. Не смотри, что полноприводная – после такого ливня не велико преимущество. Впрочем, другой дороги в Подковы нет, так что в любом случае мы пересеклись бы с тобой. Поможешь?

– Само собой, – радостно воскликнул я. – Только задом наперёд придётся тебе ехать до самого отделения.

– Да хоть тушкой, хоть чучелком, – махнул рукой Илья, – лишь бы в дом, чтобы поговорить.

– Доставлю в лучшем виде, – уверенно сказал я.

Подцепив «Хонду» Ильи на трос, я перекрестился и на медленных потянул её за собой. «Уазик» и с этой задачей справился на ура, за что я был готов тут же расцеловать его в приборную панель.

Благополучно добравшись до отделения, мы прошли в дом.

Я снял одежду, разогрел чайник и поставил на стол оставшиеся после визита Марины сладости.

– Что теперь? – сразу задал я вопрос Илье.

– Теперь нам надо в ЦУАБ, – сказал он.

– Это что?

– Центр по Устранению Артефактов из Будущего.

– Звучит устрашающе.

– А это ты ещё не видел сам центр и не знаешь подробностей своего первого задания.

– Что? – удивился я. – Сразу с корабля и на бал? Без подготовки?

– А что, по-твоему, было в лесу и потом в карьере? Разве этого недостаточно? Целая жизнь и ещё несколько десятилетий новой.

– Да, – согласился я. – Ты прав. Расскажешь о задании?

– Это позже, когда доберёмся до Центра. Сейчас тебе надо уладить другие нюансы.

– Например?

– Например, ты должен оформить отпуск. Думаю, недели две будет достаточно.

– Зачем?

– Затем, что нынешнюю роль участкового тебе придётся отыгрывать, как и прежде. Для всех родных и знакомых ты всё тот же Алексей Лазов, которого они всегда знали. Ты же это понимаешь?

– Понимаю. То есть задание на первый раз несложное? Управлюсь за две недели?

– В другой реальности время течёт иначе. Две недели здесь могут занять месяцы там. А иногда и годы. Или наоборот. Этот феномен до конца пока не изучен. Ты ведь помнишь Ракитова?

– Да как же его забыть-то...

– Так и не дожил до девяноста пятого года, когда должен был, по прежней версии, застрелиться на почте. И вообще, вернувшись в восемьдесят третий, сколько лет ещё прожил, прежде чем оказаться в своём воскресшем облике?

– Ну да. Довольно странное обстоятельство. Козырев говорит, что умер в девяносто втором от сердечного приступа. Значит, не спешил возвращаться. Или знал, что так или иначе успеет?

– Это вряд ли, – покачал головой Илья. – Может, решил всё-таки пожить ради семьи? Кто его знает... Однако факт остаётся фактом. И время играет совсем в непонятные нам игры. – На несколько секунд Илья замолчал, а потом снова вернулся к начатой теме: – И задание твоё, сразу скажу, не будет лёгкой прогулкой. Не думай, что тебе, как новичку, сделают какие-то преференции и поблажки. Я рекомендовал Лазова как потенциально ценного прерывателя. Да и с кадрами сейчас напряжно. Как и везде. И не только с кадрами... – Илья тяжело вздохнул.

– Что-то не так? – насторожился я.

– Обо всём сразу и не расскажешь. Увидишь уже на месте. Сам знаешь – лучше один раз увидеть...

– Только не надо включать Миронова. А то сейчас начнёшь сыпать цитатами.

Илья усмехнулся.

– От каждого носителя остаются какие-нибудь привычки. А Миронов мне, вообще-то, нравился. Не всегда удаётся попасть в приятного человека. Только одно было с ним тяжело – пьющий.

– Да... – Я тоже отчего-то вздохнул. – Так что же? Покушаем и начнём собираться? Только позвоню ещё начальству насчёт отпуска. Я же, как-никак, типа герой, вычислил беглого зэка, а отпуском так ни разу и не воспользовался.

– Согласен, – кивнул Илья. – Поесть надо. Как говорят французы, из двух бед выбирают обед.

И мы с Ильёй рассмеялись.

Глава 3. Табби

Девочки, уже успевшие понять, что им назначили новую воспитательницу, с осторожностью выглядывали кто из спальни, кто из столовой, кто из актового зала, стесняясь прямо встретиться на пути горделиво шествующей по мягкому ковру Эммы.

Она долго настраивалась, прежде чем начать это знакомство. Внутри неё созрел ком, становясь с каждой минутой всё больше и больше, пока наконец толчки от его пульсации не достигли голосовых связок и она громогласно, будто иерихонская труба, не возвестила о наступлении новой эры в жизни этого дома с дурацким названием «Киска».

– Так! – воскликнула она. – Выходим, мышки, из тёмных углов и через четыре минуты собираемся в актовом зале! Всем слышно? Кто не услышал, тому доктор будет прочищать уши!

Уверенная в убедительности своего воззвания, Эмма, начавшая наливаясь, как яблоко, спелым румянцем, вошла в актовый зал и ловко запрыгнула на невысокую сцену, обрамлённую с двух сторон тяжёлыми тёмно-зелёными портьерами.

Девочки успели собраться за три минуты.

Вооружившись журналом с именами своих воспитанниц и красным карандашом, Эмма ещё раз пробежала глазами по нестройной толпе детей и тут же нахмурилась.

– А у нас здесь что, – сказала она, – митинг? Быстренько выстроились все в один ряд! И по росту. Вот ты, – Эмма указала на одну из девиц, самую высокую ростом, – как твоё имя?

– Джейн. Джейн Пэйл.

– Будешь возглавлять шеренгу, – продолжила женщина. – Встань первой. Кто следующая по росту, пусть встанет второй. И так далее.

Все девочки вмиг сделались бледными. И чем бледнее они выглядели, тем розовой становилась сама Эмма. Удовольствие сладкими волнами растекалось по её телу. В наступившей тишине, прерываемой только шуршанием платьев, было слышно, как тикают часы, намертво вмонтированные в полку фальшкамина, украшающего противоположную стену. Эмма посмотрела на них – 19:15. В восемь вечера по расписанию – ужин. Нужно было успеть со списком.

Когда дети выстроились в более-менее приемлемую шеренгу, Эмма снова раскрыла журнал.

– Элизабет Палмер, – начала она.

– Здесь, – отозвалась девочка лет десяти из середины ряда.

Эмма нарисовала рядом с её именем плюсики.

– Долорес Доул.

На этот раз все молчали.

– Долорес Доул, – чуть громче повторила Эмма.

– Отсутствует, – ответила ей наконец Джейн.

– Почему?

– Сбежала.

– Понятно. – Эмма нарисовала минус.

Минут за десять она прошла по всем присутствующим.

Сбежавшей оказалась ещё одна девятилетняя девочка – Лили Кросс. И в актовом зале отсутствовала по какой-то причине десятилетняя воспитанница по имени Табби.

– Она у себя в спальне, мэм, – пояснила всё та же Джейн.

– И это почему же? – возмущённо произнесла Эмма.

– Болела. А теперь совсем не встаёт с кровати. И не ест.

– Что за ерунда? – Эмма громко захлопнула журнал. – Почему не в лазарете, а у себя в спальне?

– Не могу знать, мэм. Так решила предыдущая воспитательница.

– Вздор! Покажите мне её спальню.

Джейн, опустив глаза, направилась к выходу, чтобы сопроводить Эмму.

Комната снова наполнилась хором негромких голосов. Но Эмма уже не обращала на это внимания. Ей не терпелось сию же минуту привести в чувства злостную нарушительницу её планов. Она была уверена, что один лишь её вид поставит симулянтку на ноги и заставит съесть двойную порцию каши.

Табби действительно обнаружилась лежащей под одеялом в одной из спален.

Решительно подойдя к кровати, Эмма резким движением сбросила с неё одеяло, и её голос снова прогремел зловещим раскатом:

– Встать!

Но Табби никак на этот приказ не отреагировала. Это была совсем щуплая девочка. Она лежала на левом боку, спиной к Эмме, свернувшись калачиком. Её тонкие ножки торчали из-под сорочки, а русые волосы в беспорядке были разбросаны по подушке.

– Я к кому обращаюсь?! – снова крикнула Эмма. – Эй! – Она с силой затрясла девочку за плечо, так что заскрипела и затряслась вся кровать.

Однако Табби даже не шелохнулась.

На этот раз ледяная волна нехороших предчувствий остудила порыв Эммы. Она развернула девочку на спину.

– Господи! – в ужасе прошептала она.

Из-за её плеча робко выглядывала побледневшая Джейн.

– Она жива? – почти шёпотом спросила она.

Эмма наклонилась над лицом Табби и прислушалась. Девочка ещё дышала. Нащупав на её запястье едва заметный пульс, Эмма выпрямилась, обернулась к Джейн и уже увереннее сказала:

– Беги за доктором! С ней что-то не так.

Джейн бросилась прочь из спальни.

Возле дверного проёма стали собираться другие дети.

– Ступайте ужинать! – приказала им Эмма. – Здесь без вас разберутся. Слышите? А ну брысь!

Девочки кинулись врассыпную, оставив Эмму наедине с Табби.

– И что же с тобой такое? – вслух спросила Эмма саму себя и открыла прикроватную тумбочку.

В глаза сразу бросились два пузырька. Один был наполовину наполнен таблетками. Ими оказался аспирин. А вот другой был абсолютно пуст, а на этикетке значилось название снотворного, которое Эмма и сама временами употребляла. Если переборщить – довольно мощная штука.

К счастью, доктор из местного госпиталя с громким названием «Дом королевы Виктории» пришёл быстро.

Бегло осмотрев Табби и подтвердив предположения Эммы, он бережно взял девочку на руки и удалился.

«Не хватало ещё, – подумала женщина, – чтобы в первый же день случилась такая беда. Чёрт-те что здесь творится! Одни сбегают, другие пытаются покончить с собой».

Силясь взять себя в руки, Эмма вернулась в свою комнату и, порывшись в до конца так и не разобранный чемодане, достала маленькую бутылочку с бальзамом. Выпить ей было необходимо.

Она опустошила ёмкость двумя глотками и закусил мятным леденцом, чтобы скрыть запах алкоголя, если в коттедже вдруг объявится Сири.

Поразмыслив минут пять, она решила подробнее расспросить у Джейн, что из себя представляла эта сумасбродка Табби и почему вообще она отказывалась вставать с постели.

Джейн, уже успевшая вернуться из столовой, встретила Эмму в коридоре.

– Надо поговорить, – сказала Эмма и показала жестом на актовый зал.

Подождав, когда зайдёт девочка, женщина прикрыла дверь и приступила к допросу.

– Расскажи, – начала она, – что здесь у вас творится. Во-первых, хотелось бы знать, почему убежали дети, а во-вторых, что могло стать причиной такого поступка Табби? Её кто-то обижал? Наверняка, как самая старшая, ты в курсе всей этой внутренней кухни. Можешь ничего не бояться. Говори как есть. Наш разговор не выйдет за пределы этой комнаты. Я тебе обещаю. Наверное, я показалась тебе злой. Может, оно так и есть. Не стану отрицать. Однако слово своё я держать умею.

Эмма замолчала и ожидающе посмотрела на Джейн.

– Пора становиться взрослой, – решила она добавить и попробовала улыбнуться, отчего лицо её свела неприятная судорога.

– Я ничего не знаю о сбежавших девочках, – замотала головой Джейн.

– Совсем ничего? Разве может такое быть?

Джейн пожала плечами:

– Они всегда держались особняком: Долли, Лили и Табби.

– Так Табби с ними дружила?

– Да.

– Их привезли в деревню всех вместе?

– Нет. По отдельности и в разное время. Но они очень быстро сдружились, будто были знакомы и до этого. А с другими девочками почти не общались.

– Это странно. Не находишь?

– Странно, – согласилась Джейн. – Перед тем, как Долли и Лили исчезли, Табби тяжело заболела. Воспаление лёгких. Лежала в «Королеве». Когда же вернулась, то с той же минуты совершенно замкнулась в себе. Перестала общаться. С тех пор мы так и не услышали от неё ни слова. Отказывалась есть, бродила ночами по коридорам. Прежняя воспитательница договаривалась с доктором, чтобы тот выписал Табби снотворное. Она сама каждую ночь выдавала ей по таблетке. Табби перестала слоняться по ночам. Все подумали, что теперь спит. Но...

– Что?

– Получается, что она копила таблетки, чтобы выпить их за один раз. А оставшиеся после отъезда воспитательницы, наверное, выкрала из её спальни, пока та пустовала. Я думаю так.

– И никто ничего не заподозрил?

– Нет. – Джейн снова пожала плечами.

– Вас же в спальнях по несколько человек. Неужели никто ничего не заметил?

– Другие девочки попросили, чтобы их не оставляли в одной спальне с Табби. Боялись, что та может причинить им какой-нибудь вред. Поэтому Табби всегда оставалась одна. После того как всё это случилось... Ну, с побегом... Миссис Элмсли планировала увезти Табби в Лондон, в какую-то особенную больницу. Сказала, что только тамошние доктора теперь ей смогут помочь. Это всё, что я знаю.

– Понятно, – вздохнула Эмма. – Хорошо, Джейн. Спасибо за откровенность. Можешь идти.

Чувствуя, как начинают угасать силы, Эмма вернулась к себе в комнату. Решив, что завтра выяснит в госпитале то, что не достаёт пока до полного понимания всей картины, она разделась, умылась, повесила на спинку стула гигиенический пояс и забралась под одеяло, уве-

ренная в том, что девочки сами устроят себе отбой, тем более что Джейн, судя по всему, вполне можно было доверять.

Ещё вчера у Эммы должны были случиться критические дни, но, видимо, из-за долгого переезда и из-за нервов произошла задержка. Забеременеть она точно не могла, потому что на такую близость со своим брошенным женихом она пока не решалась. Да и не дай Бог!

«Тьфу, тьфу, тьфу», – мысленно сплюнула через левое плечо Эмма, повернулась на правый бок и закрыла глаза.

Глава 4. Очень много информации

ЦУАБ располагался в пятистах километрах северо-западнее Подков, в бывшем текстильном городке под скромным названием Иваново.

Здание, к которому мы подъехали, принадлежало некогда Петру Афанасьевичу Зубкову, фабриканту и меценату. Теперь на двери парадного входа трёхэтажного, довольно обшарпанного особняка красовалась табличка «Санэпидстанция». Для посторонних посетителей таким это здание и являлось. Мы же с Ильёй, спустившись в подвал, прошли по недлинному коридору, одна из дверей в котором отличалась от остальных, потому как за ней находился лифт, который мой протеже вызвал, вставив электронную карточку в специально предназначенный паз.

Не знаю, на сколько этажей мы плавно опустились вниз, но то, что при выходе открылось моим глазам, меня впечатлило. Депозитарий в Подковах бледнел в сравнении с технологиями, которыми пестрило это секретное подземелье.

Особенно поразила комната десять на десять, внутрь которой мы не заходили, а смотрели на неё из-за стекла с возвышения типа балкона. В ней находились прозрачные капсулы, в которых лежали люди, судя по всему, в некоем анабиозе. Капсул было штук двадцать, однако заполнены они были едва ли на треть.

– Это что? – задал я вопрос Илье, хотя и сам мог бы уже догадаться о назначении этого помещения.

Илья был сосредоточен. Он с каменным лицом смотрел за стекло и хмурился, думая о чём-то своём. На мой вопрос он отреагировал не сразу.

– Что? А... Ну да. В одной из этих штук скоро предстоит оказаться и тебе. Между собой мы называем их хронокамерами, хотя их функция – просто поддерживать организм после его введения в состояние гипобиоза⁵.

– Ясно, – кивнул я. – А почему так мало людей? Я полагал, что артефактов расплодилось столько, что не хватит и дивизии, чтобы всё исправить.

– Это не единственная контора. У нас в стране их три... Было три. Одну на днях упразднили.

– Даже так?

– Тут, Лёха, такие дела творятся, что многим сделалось не до артефактов.

– Мне положено об этом знать?

– Вообще, – грустно улыбнулся Илья, – нет, – он слегка хлопнул меня по плечу. – Через четыре часа нам с тобой нужно быть в Москве. Там ты уже начнёшь кое-о-чём догадываться. По дороге ещё поговорим о нашей работе, а пока пойдём. Нужно оформить все полагающиеся документы, подписать контракт, договор о неразглашении и всё такое.

Мы спустились с балкончика и стали ходить уже по самым обычным кабинетам, где нас встречали молчаливые люди с уставшими лицами. Какое-то напряжение чувствовалось повсюду.

---

⁵ Искусственный гипобиоз – замедление физиологического времени в организме млекопитающих и человека в результате внешнего воздействия, за счет чего происходит приостановка всех без исключения процессов жизнедеятельности, с возможностью их последующего восстановления до начального уровня.

В комнате, похожей на школьный медицинский кабинет, мне сделали прививку, обязательную, как сказали, для всех прерывателей.

В контракте я значился «наёмником». Меня этот факт несколько смутил, и я решил уточнить свой будущий статус у Ильи.

– Прерыватели, – сказал он, – делятся у нас на четыре категории: наёмники, делегаты, ангелы и поселенцы. Кстати, о поселенцах. Тебе необходимо запомнить одно имя. Готов?

Илья хитро на меня посмотрел.

– Ну... – промолвил я. – Не томи. Я весь во внимании.

– Герберт Уэллс, – с видом фокусника произнёс Илья.

– Писатель?

– Он самый. Если там, где тебе предстоит оказаться, что-то пойдёт не так, ты можешь обратиться к нему. Он поселенец. Человек, который добровольно согласился переместиться в другую личность до конца жизни. Их задача – оказывать всяческое содействие тем из прерывателей, у которых возникают проблемы.

– Ничего себе! – воскликнул я. – Значит, меня переселят в начало этого века?

– Да. В Лондон тысяча девятьсот шестого.

– Становится всё интересней.

– Это крайняя точка в прошлом, куда мы можем перемещаться. До этого момента был ещё Эдгар По⁶. Но там эксперимент немного не состоялся. Ранее этой даты никаких значимых артефактов не было. А от рахов так и вообще ни одного. Их первая попытка проникнуть в нашу реальность была в тысяча девятьсот восьмом. Тунгусский метеорит. Наверняка слышал о нём.

– И это тоже они?

– Они. В тот раз закончилось неудачей. Благодаря другому поселенцу – Николе Тесле. По крайней мере, это было одной из его задач.

– Слушай, – снова воскликнул я. – Кажется, меня начинает знобить от всех этих имён и открытий.

– Держи себя в руках. Интересного будет ещё вагон и маленькая тележка. Даже завидую немного тебе. Сам-то уже давно позабыл своё первое посвящение.

На всякий случай до самого нашего отъезда Илья никакой новой информацией со мной не делился, дав время на то, чтобы в моей голове хоть как-то уложилось всё услышанное и увиденное.

Только уже по дороге в Москву я решился задать ему свой следующий вопрос.

– Скажи, – спросил я, – а ты тоже наёмник или...

– По идее, я – делегат, – не дождавшись, когда я закончу фразу, ответил он. – Так сказать, специалист по переговорам с рахами и полукровками.

– Они выходят на контакт?

– Полукровки с удовольствием. С рахами чуть сложнее, но всё же некоторые ситуации требуют переговорных процессов. Контрабандисты и им не нужны. Да и некоторые люди из правительственных структур, случается, ведут двойную игру. Мы имеем кое-какие рычаги, чтобы нажать в нужное время и в нужном месте. И потом, похищения людей, мутилации...

– Мути... что?

– Мутилации. Может быть, слышал о том, как находят домашних животных с аккуратно вырезанными органами? С хирургической точностью. И, по всей видимости, очень жестоко, наживую.

---

⁶ Эдгар Аллан По (1809 -1849) – американский писатель, создатель формы классического детектива и жанра психологической прозы. Обстоятельства, предшествовавшие смерти Эдгара По, как и непосредственная её причина, по сей день остаются невыясненными. Все медицинские записи и документы, включая свидетельство о смерти, были утеряны. Существует несколько различных теорий о причине смерти По, разной степени правдоподобности: от гипогликемии до сговора с целью убийства.

– Нет, не слышал.

– В США и Канаде об этом больше информации. Но и нам приходится иногда вмешиваться – и напуганных людей успокоить, и рахам объяснить, что отсутствие у них эмпатии не означает, что с животными можно так поступать. В плане чувств рахи полные имбецилы. Да у них, в целом, и нет никакой нужды в долгосрочном союзе с людьми. Для них в перспективе мы уже вовсе не существуем. Сначала и полукровок, предавших свои изначальные цели, они выслеживали и устраняли. Но потом оставили их в покое. Не знаю точно, что послужило тому причиной. Наверное, посчитали, что эмоции в том новом мироустройстве, которое они планировали осуществить в нашем измерении, в некоторой степени им выгодны. Но это только мои предположения, не больше того.

– Но ты же подселся к Миронову. Это ведь не твоя работа.

– Иногда приходится брать на себя миссию наёмника. Сам видел пустые хронокамеры. Нехватка кадров. Сейчас слишком обострились отношения с ФСБ. Там теперь свои интересы. Новая, как говорится, метла. Наш авторитет хоть и высок, но уже многие наступают на пятки и вставляют палки в колёса. Сам увидишь, когда до Москвы доберёмся. Тебе ещё один адрес нужно запомнить и одно кодовое слово. Ты как себя чувствуешь?

– Теперь лучше. Понемногу укладывается. Говори.

– Запоминай. Дом на Спейд-хаус. Это недалеко от Фолкстона. Найдёшь там Уэллса. Если, конечно, возникнет необходимость. Надеюсь, что нет. Кодовое слово: бермуды. Запомнишь?

– Спейд-хаус, – вслух повторил я. – Лопата дом. Лопата дом.

– Что?

– Это я типа по-русски, чтобы лучше запечатлелось.

Илья усмехнулся.

– А кто такие ангелы? – спросил я. – Звучит как-то уж очень романтично.

– Ангелы, как и поселенцы, оказывают наёмникам помощь, но как бы из тени, редко выдавая прерывателям своё присутствие. Следят, что называется, за правильным ходом миссии. И ещё... Бывает, что у прерывателя возникает желание что-нибудь изменить в прошлом, что-то значимое, чего менять ни в коем случае нельзя. Тогда ангелы, напротив, пытаются любыми способами прерывателю помешать. У каждого ангела непременно есть какой-нибудь дар, выдающаяся способность. Или же компаньон – если хочешь, фамилльяр, как у средневековых ведьм.

– У меня тоже будет свой ангел?

– Не знаю. Это не мне решать. Возможно. Всё равно ты вряд ли его увидишь. И ещё, – добавил Илья, – насчёт таблеток. Это которые Миронов принимал, чтобы продлевать подселение. К счастью, это не чудо-пилюли. Иначе, сам понимаешь, в начале двадцатого века с этим было бы сложно. Простой аспирин. Тогда он уже продавался в любой аптеке. Как только окажешься в Лондоне, обязательно закупи с запасом. А если получится так, что таблеток не окажется под рукой, то заваривай ивовую кору. Она может на какое-то время восполнить в организме ацетилсалициловую кислоту.

– И в кого я должен буду подселиться?

– В начальника Скотланд-Ярда. Его имя Эдуард Хенри. Это позволит побыстрее закончить твоё дело. Больших полномочий в Лондоне того времени трудно себе представить. Так что все козыри будут у тебя на руках.

– Только одного пока что не понимаю, – сказал я. – Ты говоришь, что в то время не было никаких артефактов. Так для чего же я там тогда нужен?

– Для поиска пропавших людей. Их нужно вернуть обратно в нашу реальность. Поэтому и Скотленд-Ярд. Поэтому и начальник.

– А как удаётся с такой точностью технически определить человека, в которого следует подселиться?

– Это уже не по моей части. Это к учёным. Мне только известно, что существуют некие эфемериды, в которых учтены живущие и ранее жившие на земле люди. Разумеется, насколько это возможно. Чем дальше в прошлое, тем меньше можно откопать в архивах достаточных сведений. Каждому подтверждённому человеку назначен свой номер и код. Головки на часах имеют очень тонкую настройку с миллиардами делений. Доступ к настройке возможен только под микроскопом, и этим умением обладает в каждом отделении только один человек. Мы называем его «настройщик». Редкая профессия. И мало кто из нас видел его в глаза. Тебе просто выдадут уже настроенные часы. Твоя задача – только надеть их на руку и запустить в нужное время.

– Не позабыв выстрелить себе в голову? – иронично заметил я.

– Ну отчего же так грубо. Это лишь в крайнем случае. В хронокамере ты умрёшь всего на пару секунд от газа. Это безболезненно. Кстати говоря, факт штучности настройщиков в связи с предстоящим делом смущает меня больше всего. Но это обсудим уже на месте.

Минут десять Илья молчал, сосредоточенно глядя в дорогу и думая о чём-то своём. А потом вдруг спросил:

– А скажи, у тебя за последние годы не было никаких видений?

– Видений? В каком смысле?

– В прямом. Вот прямо посреди дня вдруг перекалинивает и ты начинаешь видеть совсем не то, что в данный момент на самом деле тебя окружает.

Я с недоумением и любопытством посмотрел на Илью:

– Я, конечно, могу выпить, но не до такой же степени.

– Понятно, – коротко ответил Илья.

Меня его вопрос озадачил, и я задумался на мгновение.

– А что, – решил я всё-таки уточнить, – это как-то связано с тем, что я немножко не на своём месте?

– Почему не на своём? Это ты брось. Именно на своём ты сейчас и находишься.

– Ты же понимаешь, о чём я.

– Знаешь, – сказал Илья, – рядом с нами существуют не только другие временные линии, зависящие от нас и так или иначе имеющие с нами один корень. Есть и совсем другие миры, с другими законами и живущие не независимо от нашей истории и реальности.

– А можно чуть попонятнее?

– Пространственно-временной континуум, связанный с нашей планетой, неоднороден и не исчерпывается биологическими формами жизни.

– Ты запутал меня ещё больше.

– Да неважно. Ты должен понимать лишь то, что существуют такие миры, в которых время течёт десятками параллельных потоков. А сознание живущих там людей (да, они тоже в большинстве своём люди, хотя во многом от нас отличные), так вот, их сознание способно свободно перемещаться из потока в поток – в прошлое, в будущее, в настоящее. Временные границы там похожи на наши границы между разными государствами. В отличие от тех людей, мы себе такого позволить не можем. Не позволяют физические законы. Наше сознание всегда привязано к одному потоку, вернее будет сказать, к одной физической оболочке. А чтобы стало возможным перемещение в соседний поток, потребуется применить технологии рахов и умереть во всех потоках, кроме какого-то одного. Эта непроницаемость границ времени в нашем мире оказалась одним из основных препятствий для этих тварей в завоевании и уничтожении нашей цивилизации. Для каждого из нас – и для тебя, и для меня – существует свой истинный, изначальный поток, в котором впервые проявилось наше сознание. Твой истинный поток здесь. В том прошлом, из которого я тебя вытащил, ты как раз-таки и находился не на своём месте.

– Как же всё это сложно, – сказал я. – Но при чём здесь видения, о которых ты спрашивал?

– Да не при чём. Забудь. Пока не время о них. Перевари хотя бы то, что услышал. С другой стороны, это даже неплохо. Нам с тобой нужно ещё многое успеть сделать, прежде чем ты поймёшь главное.

– А есть ещё и главное?

– Разумеется, – Илья повернул голову и с серьёзным видом на меня посмотрел.

Мне показалось, что не стоит продолжать данную тему. Тем более, у меня имелся к нему ещё один вопрос, который я всё никак не решался ему задать, ожидая подходящий момент. И я посчитал, что этот момент как раз-таки и настал.

– А ещё вопрос можно? – сказал я. – Он не совсем по предстоящему делу.

– Спрашивай, пока есть возможность. Потом шанса не будет.

– Про моего отца.

Я заметил, как Илья на мгновение напрягся. Он до сих пор ни словом не обмолвился о моём вмешательстве в события чужих судеб, но сейчас стало очевидно, что эта тема тоже не из тех, в которые ему хотелось сейчас вдаваться.

– Что ты хочешь знать?

– Можно ли его вернуть в нашу реальность?

– Теоретически можно. При первичном и особенно вторичном перехлёстах исчезающие люди, перемещаясь душой в другие временные линии, в нашей линии всё же частично остаются.

– Это как?

– Своего рода анабиоз. Остаются в эфирном виде прикованными к тому месту, где их застал перехлест. Они могут пребывать в таком состоянии долгие годы, подпитываясь энергией из окружающего пространства.

– Что-то вроде призраков или привидений?

– Можешь считать и так. С годами зона их присутствия и некоторая осознанность действий расширяются, но не настолько, чтобы по уровню интеллекта достичь взрослого человека. Иногда случается, что образуют симбиоз с некоторыми животными. Но это редко. Если в той временной линии, куда они переместились всей полнотой своего существа, произойдёт похожий перехлест, то, по мнению некоторых теоретиков, они могут вернуться обратно. В случае с твоим отцом необходим вторичный перехлест. Сам понимаешь, шансы этого близки к абсолютному нулю.

Я больше ничего не ответил. В тот момент самым важным для меня было то, что возможность имела, хотя бы и одна на сто миллионов.

Тем временем мы уже подъезжали к Москве.

Глава 5. Много вопросов, мало ответов

Усадьба Александра Григорьевича Шмурова располагалась в заповедной зоне, в ста километрах от Москвы. Её окружали хвойные леса, а возвышенность, на которой она раскинула свои вычурные фасады, огибала довольно широкая в этом месте речка. Шмуров не был ни фабрикантом, ни тем более меценатом. Александр Григорьевич вполне удовлетворялся не слишком высокой должностью в каком-то министерстве и умением ловить жирную рыбку в мутной воде. Для этого чистую воду приходилось постоянно мутить, в чём он тоже весьма преуспел и за что его уважали временные партнёры из тех, чей талант в «рыболовстве» оказался не столь велик.

На территории усадьбы в просторных загонах бегали самые настоящие страусы. Птицы являлись особой гордостью Шмурова, потому как он единственный во всей области был обладателем и торговцем страусиных яиц. Имелся в усадьбе и свой прудик с ручными карпами, иногда служившими и едой, и даже лабиринт из аккуратно подстриженных высоких кустов, в центре которого возвышалась скульптура Галатеи с фонтанчиком, вытекавшим из глаз рыдающего Пигмалиона. В общем, эклектика и безвкусица всей этой бессмысленной мишуры выдавали

Шмурова с потрохами. Но это, разумеется, только для человека, не лишённого окончательно чувства вкуса. Для всех же сотоварищей новоявленного царя усадьбы картинка представлялась вполне себе в духе их понимания красоты.

Насколько я заметил, на Илью усадьба произвела точно такое же впечатление, как и на меня.

Немногочисленная охрана посмотрела наши документы, поинтересовалась нет ли у нас оружия и только после этого пропустила в главное здание – четырёхэтажный корпус с широкой лестницей при входе и с балюстрадами, увитыми чем-то вроде плюща.

Сам Шмуров так и не вышел нас встретить. Вместо него в суть предстоящего дела нас принялся вводить высокий мужчина лет сорока, в мешковатом свитере толстой вязки и с небритой днём три щетиной на усталом, плоском лице.

– Я Николай, – представился он. – Николай Валерьевич Данилов, если угодно. Расскажу что к чему. И покажу. Любые вопросы с вашей стороны – это ко мне.

– А Александр Григорьевич... – начал было Илья.

– Пока только моя компания, – перебил его Николай.

Илья молча кивнул.

– Итак, – Николай глубоко вздохнул, – с чего мне начать? Что вы вообще на данный момент знаете об этом деле?

– Можно сказать, ничего, – ответил Илья, – кроме того, что пропали дети. И насчёт договорённостей тоже в курсе.

– Ага. Ну и ладненько. – Николай поёжился и потёр ладони. Внутри здания действительно было прохладно и сыро, к тому же зловещая тишина и полумрак делали холод ещё более пронизывающим. Все втроём мы продолжали идти вдоль длинного коридора без единой двери по его сторонам.

– Среди пропавших детей, – продолжил мужчина, – сын Александра Григорьевича. Его тоже Александром зовут. Пять дней назад у него был день рождения. Пятнадцать лет исполнилось. По такому случаю приехали в усадьбу его друзья. Пять человек. Три девочки и два мальчика. Им тоже всем уже по пятнадцать. Учатся в одной школе. Тут неподалёку она. Частная, разумеется. Закрытая. Главные события развернулись возле бассейна. Охранник, в тот вечер дежуривший на балконе, не заметил никаких странностей в поведении детей. Они поплавали, побесились, потом разместились каждый на своём лежаке. И вроде как успокоились. Прошло минут двадцать, прежде чем охрана среагировала на необычную тишину. Детей спасти не успели. Пять человек, включая Александра, умерли от передозировки героином. Выжил только один, Кирилл. Не знаю, может, в последний момент испугался, потому что не стал использовать предназначенный для него шприц. За ним приехали родители и увезли, потому что он был в самой настоящей истерике. Добиться от него каких-то осмысленных объяснений не удалось. Только не подумайте, что все эти детки – наркоманы. Ни в коем случае. Все дети считались очень одарёнными. Я подчёркиваю – ОЧЕНЬ. И с родителями своими были, как бы это помягче выразиться, не вполне согласны по многим вопросам. Я, если позволите, выражусь обтекаемо. Дети вовсе не собирались сводить счёты со своей жизнью. Нет-нет. Напротив, они хотели обрести свободу и такое счастье, каким понимали его сами. Вот. – Николай остановился возле единственной двери, которой заканчивался коридор, набрал на панели код и жестом пригласил нас войти.

За дверью оказалось помещение, похожее на то, которое я видел в ЦУАБе – комната с хронокамерами. Хронокамеры выглядели немного иначе, но это были именно они. Их было шесть. И во всех находились люди – пятеро детей и одна взрослая женщина.

– Перед тем, – продолжил Николай, – как вколоть смертельную дозу героина, они использовали хронокапсулы и часы.

– И откуда у вас всё это? – спросил Илья.

– Ваше начальство, как вы понимаете, в курсе, – промолвил Николай. – Такими технологиями обладают не только секретные службы. Было бы удивительно, если бы это не проникло через заборы. Деньги решают всё. Вам же, надеюсь, объяснили положение дел?

– Да-да, – сказал Илья. – Просто не перестаю удивляться. Иногда кажется, что мы в ЦУАБе гонимся за собственной тенью.

– Сочувствую, – устало улыбнулся Николай. – Но такова реальность. Давайте исходить из неё.

– Но для чего, – решил вмешаться я, удивлённый увиденным больше, чем кто-либо, – для чего эти технологии Шмурову?

По лицу Николая пробежала судорога, отчего выражение его на секунду сделалось брезгливо-печальным.

– Забавы ради, – сказал он. – В прятки играют.

– Что? – снова не удержался я.

– Прятки. Этаким квест для тех, кто может это себе позволить. Собираются раз в месяц своей компанией, одного человека отправляют в какую-нибудь локацию в прошлом, а другие пятеро начинают его искать. Кто первым найдёт, тому и приз. Как, например, вот эта усадьба. Супруга Шмурова её выиграла однажды, Виктория Павловна.

Я молча покачал головой, не находя слов.

– А ведь могли бы, – добавил Николай, и лицо его впервые за нашу беседу оживилось, – могли бы принести человечеству пользу. Правда? Женщина, которую вы можете увидеть в одной из камер, это и есть супруга Александра Григорьевича. Виктория, – мужчина произнёс это имя певуче и сделал паузу. – Отважная женщина. Последние три месяца она тяжело болела. Рак. Четвёртая стадия. Когда сын её оказался в этой комнате, она первой вызвалась отправиться на поиски пропавших детей. Решила напоследок сделать что-то хорошее.

– А почему, – поинтересовался Илья, – своими силами не попробовали разыскать детей?

– Хронокамер, как вы заметили, только шесть. Достать дополнительные модули за короткий срок невозможно. Никто из родителей не отваживался в одиночку отправляться на девятносталет в прошлое, в котором у них не было своих собственных поселенцев. Вызвалась только Вика. Простите... Виктория Павловна.

– Надо же... – усмехнулся Илья. – У них даже поселенцы свои?

– Ну да. Но они не так надёжны, как ваши, и, как выяснилось, предпочитают сами скрываться и пользоваться своим положением, а не оказывать помощь. Поступок Виктории Павловны предстал для наших докторов, следящих за хронокамерами, с неожиданной стороны. Наниты в её теле справились с раковыми клетками. Представляете? Никто до сих пор не додумался до такой простой вещи. А ведь это самый настоящий прорыв в области медицины! Если Виктория Павловна вернётся... Вернее, КОГДА вернётся, то она снова станет здоровой. Вот скажите, Илья, в вашем ЦУАБе только уничтожают артефакты или же пытаются использовать их во благо людей?

Илья промолчал, поскольку вопрос был, судя по всему, риторическим.

– То-то и оно, – продолжил говорить Николай. – Но давайте вернёмся к сути. Детишки, разумеется, видели, в какие квесты играют их родители. Другие на их месте обзавидовались бы и захотели заняться тем же. Но, как я говорил, эти дети другие. С помощью хронокапсул они решили просто сбежать от этой реальности и создать где-нибудь свою. Так я предполагаю. Все их часы были синхронизированы на Лондон тысяча девятьсот шестого года. Только странных персонажей выбрали они для своего подселения, в эфемеридах значится только одна девочка – Табби Уильямс. Знаем лишь, что она из очень бедной семьи, рано лишилась родителей, но благодаря случаю оказалась в Баркингсайде, в одном хорошем приюте для беспризорных девочек. Остальные, надо полагать, такие же оборванцы. Ну что бы они могли обустроить в лондонских

трущобах тех лет? Этого я до сих пор не могу понять. Как по мне, так это весьма странный выбор. Если не сказать глупый.

– Но как они смогли воспользоваться часами? – спросил Илья. – Ведь наверняка такие вещи Александр Григорьевич хранил за семью печатями. Да и синхронизировать время мог только настройщик.

– Именно, – согласился Николай. – Положим, выкрасть из хранилища хронокапсулы и часы им каким-то образом удалось. Вполне допускаю. Но настроить их должным образом они никак не могли.

– А у Шмурова есть свой настройщик? – снова вклинился в разговор я.

– Разумеется.

– Вы разговаривали с ним?

– Не успели. Он умер на следующий же день после случившегося.

– Умер? Каким образом?

– Сердечный приступ. Сами понимаете, какие подозрения должны были возникнуть относительно его персоны. А он уже пожилой был, шестидесяти семи лет. Понимаю, что в голову всякое сразу лезет. Может, кто-то и помог ему умереть. Тем более если принять во внимание ещё один инцидент.

– Какой инцидент?

– Через два дня после произошедшего выпал из окна десятого этажа больницы тот единственный мальчик, который остался жив.

– Это уже вряд ли может быть совпадением, – промолвил Илья.

– Вряд ли, – подтвердил Николай. – Но, с другой стороны, он мог сильно переживать по поводу того, что струсил в последний момент и не последовал за своими друзьями. Знаете, подростки очень впечатлительны в подобных вещах.

– Полагаю, – сказал я, – что и с ним никто не успел толком поговорить?

– Нет. Два дня он играл в молчанку. Родители уже тогда побоялись, что он может что-нибудь с собой сделать, и поместили в больницу. Под присмотром, конечно. Однако это не помогло.

– Понятно, – заключил Илья. – Вот, Лёша, – обратился он уже ко мне, – какое задание тебе предстоит. Если возникли вопросы, задавай прямо сейчас. – Он посмотрел на часы. – Через двадцать минут нам нужно выдвигаться обратно.

Вопросов у меня, конечно, накопилось немало. Но я был уверен, что Николай не станет мне на них отвечать. Во-первых, он явно был равнодушен к супруге Шмурова. Это я заметил по выражению лица, когда он о ней говорил. Во-вторых, участие во всей этой истории настройщика не вызвало у меня никаких сомнений. И смерть его, само собой, случайностью не являлась. А это означало, что кто-то из взрослых заранее должен был знать о планах детей и всячески поспособствовать тому, чтобы всё у них прошло гладко. Как говорится, ищи кому выгодно. И кто же и, главное, почему хотел избавиться от детей? Или от какого-то конкретного ребёнка? А остальные просто запутывали картину. Обрекая их на прозябание в лондонской нищете, этот манипулятор не оставлял шансов на возвращение. Конечно, если бы они захотели вернуться, то просто перестали бы пить аспирин и через какое-то время оказались дома. Но тот, кто всё это спланировал, был уверен, что возвращаться они в любом случае не захотят. Вообще, сама мысль о спасительном бегстве в прошлое не казалась мне умной. А Николай настаивал на том, что дети были намного выше среднего по развитию. Эту спорную идею с бегством им кто-то должен был в головы вложить. И этот человек не из числа матерей или отцов, потому как их они слушать точно никогда бы не стали. Это был кто-то со стороны, умеющий убеждать и расставлять психологические ловушки. Очень опытный и имевший возможность постоянно общаться с детьми и при этом оставаться для непосвящённых в тени. Это мог

быть кто-то из дальних родственников или учителей в школе, кто-то, может быть, общающийся исключительно через сеть. В данной ситуации круг весьма ограничен.

Вся эта цепочка догадок, выстроившаяся за время беседы, в конце концов заставила меня задать неожиданный для Ильи и для Николая вопрос.

– А вы, Николай, – спросил я, – не адвокат ли, случаем, Александра Григорьевича?

– Адвокат, – прищурившись, ответил тот. – И что из того?

– В таком случае вы должны знать, оставляла ли завещание Виктория Павловна после того, как услышала свой вердикт от врачей.

Николай задумался, подыскивая для ответа правильные слова.

– Не понимаю, – сказал он, – какое значение могло бы иметь её завещание. Во-первых, она ещё жива и, надеюсь, совсем скоро вернётся. При вашей помощи. А во-вторых, в любом случае я не мог бы выдать вам адвокатской тайны. Я надеюсь, ваше расследование не переступит границ и продолжит оставаться неофициальным?

– Разумеется, – вмешался Илья, слегка дотронувшись до моей спины. – На этот счёт можете не беспокоиться.

– Будут ещё вопросы? – с некоторым нетерпением в голосе произнёс Николай.

– Нет, – сказал я, поскольку, как и предполагал, мои вопросы всё равно останутся без ответов.

– В таком случае, – подытожил адвокат, – я провожу вас. Показывать больше нечего.

– А Александра Григорьевича мы так и не увидим? – спросил Илья.

– Сегодня он не в усадьбе. Дела, знаете ли, дела. Вызвали в министерство. Но я, если нужно, могу ему что-нибудь передать.

– Да нет. Ничего не нужно.

– Кстати, – встрепенулся Николай, – часы с руки одного из мальчиков я отправил со своими людьми в ЦУАБ. Пусть ваш настройщик всё хорошенько проверит, чтобы ни на кого из нас не падало лишних подозрений. Имена детей вот здесь, – адвокат протянул компакт-диск. – Со всеми о них данными: характер, особенные способности, странички из соцсетей. Надеюсь, это сможет как-то помочь.

Илья забрал диск.

Мы снова проследовали через коридор к выходу и через пять минут уже сидели в машине.

– Ну, – спросил он, когда мы тронулись в путь, – что скажешь по поводу всего этого?

– У тебя есть возможность пробить завещание по адвокатской базе? – поинтересовался я.

– Думаю, можно устроить. Но это дело не быстрое. Нам тоже нелегко обходить бюрократические препоны.

– Ты всё же сделай это непременно. Я почти уверен, что в завещании кроется главный мотив случившегося. Усадьба принадлежит Виктории. Не удивлюсь, если окажется, что в местные царьки вытаскила Шмурова тоже жена.

Илья усмехнулся.

– Что? Я прав?

– Прав. До двадцати пяти числился офисным планктоном в министерском подвале. Но природа не обидела его внешностью, а подворотня научила хорошо чувствовать чужие слабости и в нужный момент проявлять наглость. Карьеру себе при помощи Виктории Павловны сделал с головокружительной быстротой.

– А сын ему родной?

– Родной.

– Обязательно пробей завещание, – повторил я. – И ещё поинтересуйся дальней роднёй и учителями в закрытой школе. Может быть, кто-то, как и настройщик, умер от сердечного приступа или выпал с десятого этажа.

– Да пробью, пробью. Только уже без тебя. Когда приедем, сразу отправишься в хронокамеру. Останется время только на то, чтобы посмотреть что на диске. Пригодится. А здесь без твоего участия разберёмся. Наша главная задача – вернуть детей. Вершить правосудие в данном случае – не наша прерогатива. У нас с усадьбой просто взаимовыгодная договорённость.

– И что за договорённость такая?

– Мы, – ответил Илья, – возвращаем детей, а усадьба возвращает нам артефакты и навсегда прекращает свои идиотские игры.

– А каналы поставок?

– Этого они не сдадут. Это только в своём маленьком пруду они шуки, а с поставками работают такие акулы, рядом с которыми они жалкие пескари.

– Значит, на этом всё? Или что-то ещё?

– Всё.

– А если бы дети не пропали, то так всё и продолжалось бы? Вы знали, что кто-то практикует эту игру в прятки?

– Конечно, знали. Но наши возможности не безграничны.

– Тогда в лесу, когда ты вынес Ракитову оставшиеся мозги, мне казалось, что возможности у тебя безграничны.

– Были возможности. До недавнего времени. А теперь всё быстро стало меняться. Я уже говорил об этом. Поэтому и нужны такие люди как ты. Но если ты в чём-то сомневаешься, то всегда есть место участкового в Подковах.

Это прозвучало обидно. Но, возможно, будь я сейчас на месте Ильи, то сказал бы именно такие слова. Меня никто не неволит. Это из шмуrowsкого круга, наверное, нет дороги обратно, а из ЦУАБа, насколько я смог понять, всегда оставался выход. Я сам много лет только того и ждал, чтобы получить своё первое задание в качестве прерывателя. А теперь в кусты, потому что мир не так справедлив, как я полагал? Я что, не знал этого раньше? Наивно верил, что существует лига добра под названием ЦУАБ, которая исправит все ошибки, совершенные человечеством? Да нет же. Я уже достаточно взрослый, чтобы понимать, что добро и зло сплелись на этой планете в такой клубок, распутывать который предстоит ещё не одному поколению.

Я снова почему-то вспомнил о Марине, ушедшей в туман в утро нашей последней встречи. Сердце моё обдало тёплой волной нежности и щепоткой боли. Боли оттого, что мне пришлось сделать выбор не в её пользу. Пути назад нет. На карту поставлено слишком много, чтобы в эту минуту заколебаться. Я прерыватель. И это последнее, о чём мне необходимо помнить.

– Не беспокойся, – сказал я. – Я не сожалею о своём выборе. И прибавь газу, а то мы плетёмся, как не доенные коровы.

– Вот это другой разговор, – воодушевился Илья и нажал на педаль.

До ЦУАБа мы долетели быстрее, чем до усадьбы Шмуrowa.

Пока я изучал досье детей, настройщик проверил часовой механизм, присланный Николаем, и сделал так, чтобы я оказался в начальнике Скотланд-ярда. На страницах соцсетей я не обнаружил никакой полезной для дела информации. Даже если бы она и имела, то наверняка её почистили бы прежде, чем передать нам. Никого не интересовали причины произошедшего, всем нужно было просто вернуть детей. Да и список имён мне тоже ни о чём особенном не сказал:

1. Саша Шмуrow;
2. Соня Забелина;
3. Таня Хиль;
4. Ангелина Проклова;
5. Данила Громов.

Жаль, что было известно лишь одно имя из тех, которые носят теперь пропавшие ребята, – Табби. Но я надеялся, что полномочия начальника Скотленд-ярда Эдуарда Хенри позволят быстро отыскать в ночлежках этих детей, если, конечно, их носителями, как и у Ангелины, оказались такие же сверстники в прошлом.

Вот и всё. Понятно только то, что все дети, действительно, были довольно продвинутыми в различных направлениях. Наверное, это как-то могло бы помочь справиться с теми трудностями, которые у них наверняка возникли к этому времени в Лондоне. Но до каких пор? Рано или поздно обстоятельства всё равно окажутся сильнее, тем более, если предположить, что они из золотой клетки сразу выпорхнули на помойное дно.

Когда я закончил с диском, меня отвели в медицинский отсек, где предварительно подготовили к предстоявшему гипобиозу, и уже в четыре утра я лёг в хронокамеру, отгоняя свои последние сомнения и страхи. Последним, что я увидел, было сосредоточенное лицо Ильи, взирающего на меня с балкончика за стеклом. Я ему подмигнул. Он кивнул в ответ, но так и продолжал оставаться серьёзным.

Мне дали знак, чтобы я привёл в действие механизм часов. Совсем скоро я начал чувствовать во всём теле холод. Потом картинка перед глазами стала сужаться, пока не превратилась в голубоватую точку, вздрогнувшую и рассыпавшуюся искрами в моей голове.

Я опять умер.

Глава 6. Пробуждение

Пробуждение в чужом теле довольно сильно отличается от пробуждения в своём собственном, пусть даже и в другой временной линии. Описывать неоднозначность реальности при помощи аналогий с матрицей, как пытался делать Илья, было бы чересчур упрощённо. Как ни крути, но связь с физиологией здесь присутствовала, и все нейронные связи необходимо было, во-первых, взять под контроль физически, и во-вторых, перестроить их под мой собственный код, который каким-то образом транслировался нанитами во времени и в пространстве. Я, конечно, не был силен ни в физике, ни в химии, я просто чувствовал это каждой фиброй своего существа.

Если описать своё ощущение обычным человеческим языком, то его можно было бы назвать оцепенением. Знаете, иногда такое случается, когда что-то внезапно будит вас посреди ночи. Я лежал в постели под одеялом, и ни единая клеточка тела меня не слушалась. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, ни даже моргнуть. Я тупо смотрел в потолок. Только на автомате продолжало биться моё сердце и ритмично работать лёгкие, вдыхая и выдыхая воздух. Периферийное зрение отчасти различало и окружение. Я понимал, что за стенами либо поздний вечер, либо раннее утро, потому что свет из окна, расположенного сзади, падал сквозь неплотные шторы на тёмно-синие обои прямо передо мной. Слева – громоздкий, покрытый тёмно-красным лаком шкаф; справа – дверь, в метре от которой стол с наваленными в беспорядке вещами. Возле кровати – тумбочка с керосиновой лампой и какая-то книга, заложенная жёлтой шёлковой лентой. И тут же стул с аккуратно развешенной и разложенной на нём одеждой, почему-то женской. Через пару минут я начал различать запахи: кисло-сладкий аромат духов, опять же принадлежавших явно женщине, и керосиновый шлейф от лампы. Где-то в районе окна стояло массивное кожаное кресло, часть которого я тоже мог видеть.

Про себя я посчитал всю эту обстановку весьма странной. Спальню Эдуарда Хенри я представлял немного иной. Особенно смущало присутствие всего женского и всяческое отсутствие мужского. Может быть, начальник Скотланд-ярда женат? И тогда в этом не было ничего странного. Однако кровать, на которой я лежал, была односпальной.

Пока все эти мысли блуждали в моём оглушённом сознании, ко мне постепенно начала возвращаться возможность чувствовать свои пальцы. Потом, будто моторчики, стали включаться один за другим предплечья, плечи, ступни, колени, пока минут через десять я не смог

контролировать всё тело целиком. Я успокоился. Поначалу, честно сказать, я испугался, что застряну в таком парализованном состоянии на очень долгое время.

Впрочем, спокойствие моё продлилось недолго. Когда я посмотрел на свои руки, а потом, смахнув на пол одеяло, на ноги, то чуть было не закричал от ужаса. У меня было женское тело! С трудом поднявшись на ноги и спотыкаясь на каждом метре, я стал как чумной бродить по комнате в поисках зеркала. Оно отыскалось на внутренней стороне одной из створок шкафа. Кошмар! Последние мои сомнения и надежды на то, что это всего лишь мерещится, развеялись окончательно. Из зеркала на меня смотрела худая, бледная, с тонкими, холодными чертами лица женщина. Я не понимал, как такое могло случиться. Видимо, я попал в ту же самую ситуацию, в которой оказались пропавшие дети. Кто-то (кто?) перестроил мои часы (зачем?). Так, так, так... Необходимо было успокоиться и всё хорошенько обдумать.

Я подбежал к окну. Через улицу передо мной возвышалось здание церкви. Я вообще в Лондоне? И какой сейчас год? Нужно было срочно подключать к процессу истинную хозяйку этого тела. В прошлый раз конфликт двух Алексеев в Перволучинске довольно быстро приобрёл мирный характер. Но соседство с чужой личностью да ещё и противоположного пола выглядело совсем иначе. Алгоритм действий в таком случае Ильи мне не описал.

Я пытался сосредоточиться, сначала усевшись в кресло, потом снова лёг в кровать и пролежал с закрытыми глазами минут пятнадцать, но ничего ровным счётом у меня внутри не менялось.

Вопрос в конце концов решился довольно забавным образом. Ну, забавным-то он стал видаться мне намного позже, тогда же я был готов умереть от обуявшего меня страха. Решив наконец попробовать переодеться, я снял ночную сорочку и увидел у себя на панталонах кровавое пятно. Нда... Очевидная причина этого пятна мне в голову тогда не пришла. В ту минуту мне представилось, что моё подселение прошло настолько криво, что оказались повреждены какие-то внутренние органы. Я решил, что мне срочно нужно каким-то образом возвращаться назад и лечь в хронокамеру с другой настройкой часов. Но сколько времени моё сознание пробудет ещё в плену у этого тела? Первые несколько дней после переноса оно точно никуда не денется, даже если не принимать аспирин. Инерция во время подселения слишком велика, кинетическая энергия постепенно преобразуется в потенциальную и какое-то время поддерживает устойчивое пребывание в чужом организме. Сколько? День? Два? Неделю? О таких нюансах мы с Ильёй переговорить не успели. Женщина во мне, наверное, угорала от смеха, видя мою полную беспомощность и слыша эти глупые мысли. Не знаю, что заставило её осмелиться и выйти из тени – жалость ко мне или злость оттого, что я стал свидетелем такого не *comme il faut*⁷, – но она решительно принялась исправлять эту неловкую ситуацию, повела меня, как телёнка на поводке, сначала в ванную, потом снова в спальню, где заставила сменить нижнее бельё и надеть на себя гигиенический пояс. Закончила она своё всепоглощающее присутствие лишь тогда, когда одела на меня все положенные женскому гардеробу вещи. Перечислю вкратце: чулки, сорочка, нижняя юбка, длинный и очень неудобный корсет, ещё одна юбка, турнюр (странный штука, похожая на небольшую подушку, надевавшаяся на талию сзади), блузка и только тогда уже платье по роду деятельности и по погоде. В общем, это был какой-то кошмар, который мне, тем не менее, надлежало запомнить, чтобы в следующий раз справляться самостоятельно. От излишней лихости женщина даже притопнула ножкой, так что показалось, что сейчас мне придётся станцевать польку. Но нет. Посчитав свои цели достигнутыми, она снова вернула мне полномочия. Этого времени мне хватило на то, чтобы узнать наконец её имя – Эмма – и обозреть многие из её воспоминаний. Теперь я знал о ней всё самое существенное: и то, что прибыла она из Франции, и то, что за окном всё-таки Лондон, и то, что в «Деревне для девочек», где я оказался, тоже пропали дети. Табби! Это имя вспыхнуло в

⁷ Не *комильф* (фр.) – что-то не допустимое в приличном обществе; не как нужно, не как положено.

голове сразу же после Эммы. Я бросился к тумбочке. Достал из ящика журнал и пробежался глазами по списку воспитанниц, которые находились сейчас в «Киске». Минусом оказались отмечены Лили Кросс, Долорес Доул и Табби Уильямс. Табби находилась сейчас в «Доме королевы Виктории», и мне непременно нужно было с ней поговорить. Возможно, две пропавшие девочки и два мальчика из соседнего коттеджа как раз и были теми, кого мне следовало найти. Пятеро там, в будущем – и пятеро здесь, в деревне. Из слов Джейн я знал, что Табби только с этими девочками и дружила. Это могло быть и совпадением, но логика подсказывала, что для простого совпадения этого слишком много. Выходило, что спешить мне с перезагрузкой миссии ещё рановато. Ангелина Проклова (она же Табби) была в эту минуту совсем рядом, и она могла бы окончательно прояснить картину и даже вернуться домой первой из детей в самое ближайшее время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.